

УДК 808.2-1

Е.Ю. Муратова

Специфика дискурсивного анализа поэтического текста

В настоящее время в лингвистике очевидно проявляется тенденция выхода за рамки системного описания внутритекстовых единиц информации: текст «впитывает» в себя смыслы, существующие вне его, и эти смыслы особым образом влияют на все уровни текстовой информации, в результате чего новое образование отличается от текста как такового. Если под текстом понимают преимущественно абстрактную, формально завершенную конструкцию, то под дискурсом – различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами.

Одним из первых понятие дискурса ввел в научный обиход бельгийский лингвист Э. Бюиссанс [1], который включил в сосюрвовское противопоставление язык – речь (*langue – parole*) новый член: язык – дискурс – речь. В 1960-е годы во Франции благодаря работам Э. Бенвениста [2] и отчасти Р. Якобсона [3] возникла теория высказывания, которая была использована в дальнейшем в качестве основополагающего элемента при построении теории дискурса. Э. Бенвенист одним из первых придал слову «дискурс» терминологическое значение, обозначив им «речь, присваемую говорящим».

Дальнейшее развитие теории дискурса происходило во Франции в русле анализа дискурса. Анализ дискурса – междисциплинарная область знания, возникшая во Франции в 1960-е годы в первую очередь как теория и методология анализа сверхтекстовых смысловых образований (М. Пеше, М. Фуко, П. Серю и др.). Хотя взгляды и методы французских ученых иногда значительно расходятся, но в целом французская школа анализа дискурса считает язык базой дискурсивных процессов и необходимым условием возникновения смысла.

Анализ дискурса мыслился М. Пеше [4], его основоположником, как некоторый механизм, который устанавливает связь между языковой и социальной сферами. Дискурсивная теория и возникла, собственно, в области идеологии с целью «понять текстовые формы политических репрезентаций». М. Пеше считал, что семантика, во-первых, является местом скрещения основных противоречий лингвистики и, во-вторых, семантика служит тем пунктом, в котором лингвистика выходит на философию и на науку об общественных формациях. М. Пеше и его сторонники [5] утверждали, что семантика лишь частично охватывается лингвистическими методами исследования, поскольку слова могут изменять свой смысл в зависимости от взглядов тех, кто их употребляет, в зависимости от той позиции, которую занимают те, кто их произносит. Связь между «значениями» текста и социально-историческими условиями создания этого текста ни в коей мере не является вторичной, она входит

составной частью в *сами значения*; говорить – это нечто иное, чем произносить пример на правило грамматики. Историческая детерминированность текста является не просто отражением внешнего мира, но формируется уже в самой ткани языковой материальности.

П. Серю утверждает, что «социальные дискурсы, «высказываемое» никогда не бывают нейтральными... и какое-нибудь высказывание литературного характера, например «Маркиза вышла в пять часов», не менее идеологично, чем высказывание «Франция французам». Не существует высказывания (ни символа, ни общественного поступка), в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающих в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения» [6]. Невысказанное, имплицитное является составным во всяком дискурсе.

Хотя дискурсивные исследования проводятся уже несколько десятилетий, общепринятое понимание дискурса в лингвистике отсутствует. Диапазон определений дискурса очень широк: сопоставление дискурса и текста, дискурса и речевого акта, дискурса и функционального стиля, дискурса и речевого жанра. Преобладающими в дискурсивных исследованиях последнего времени являются концепции, связывающие дискурс и текст.

Соотношения между текстом и дискурсом по-разному рассматриваются в разных научных концепциях, а именно: от полного слияния – дискурс есть текст (часть текста, тип текста, состояние текста), и, наоборот, – текст есть дискурс (часть дискурса, тип дискурса, состояние дискурса), т.е. определение дискурса неразрывно связано с пониманием того, что есть текст.

В некоторых исследованиях прослеживается тенденция к противопоставлению текста и дискурса иначе: по ряду оппозитивных критериев: *структурность / функциональность, продукт / процесс, статичность / динамичность, виртуальность / актуальность*. В модусе таких взглядов дискурс в первую очередь понимается как деятельность: граница между текстом и дискурсом находится на линии процессуальность дискурса / непроцессуальность текста. Дифференциальными признаками дискурса и текста выступает оппозиция *процесса и его результата*: дискурс – процесс речевого общения, а текст – его продукт; первое связано с динамикой, второе – со статикой. Иными словами, дискурс – это процесс речевой деятельности говорящего (монолог) или говорящих (диалог), в то время как текст – продукт речепроизводства, имеющий законченную и зафиксированную форму.

При рассмотрении дискурса в его отношении к тексту представляется наиболее убедительной (и адекватной французским истокам определения этого понятия) точка зрения на дискурс как на сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы, устанавливающие связь между миром и языковой личностью с ее национальными, культурными, языковыми особенностями. Следовательно, дискурсивное исследование поэтических текстов предполагает изучение не только собственно языка поэтических произведений, но одновременно и параллельно – широкого культурного, этнического, исторического, личностно-авторского их контекста в той степени, в какой это необходимо для интерпретации как исследуемых идиостилей, так и отдельных произведений. При этом контекст понимается нами не как дополнительный фон, а как полноправный элемент непосредственного создания анализируемых смыслов. Другими словами, исследование

текста, особенно поэтического, только в рамках и пределах материала, без учета контекста (знаний о мире, особенностей этноса, целей и мотивов автора и т.д.) не может быть достаточным для его объективной и полной интерпретации. Мир многолик: это и физическая реальность, и ментальная реальность, и мир объективированного опыта, поэтому восприятие текста определяется культурой и ментальностью данного народа, местом человека в социальном пространстве, его самоидентификацией в качестве «Я» и др. В сознании человека за одним и тем же словом закрепляются не только языковые, но и энциклопедические знания, «чисто лингвистического уровня понимания нет, поскольку экстралингвистическая информация подключается в самом начале этого процесса» [7].

На наш взгляд, выделяются, по крайней мере, три основные экстралингвистические области, которые необходимо учитывать при дискурсивном анализе поэтического текста.

Во-первых, разная интерпретация текста может определяться этническими и лингвокультурными лакунами, поскольку человеку присуща этническая и культурная идентификация. В этнической идентификации важны исторические, культурные, экономические и другие факторы. Мирозерцание этнического сообщества вырабатывается из общего прошлого – мифов, легенд, символов, святынь, эталонов, стереотипов. «Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин... Национальный человек больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные» [8].

Текст, созданный автором в некоторой культуре и ориентированный на ее носителя, является в известном смысле моделью данной культуры; он воспроизводит речевые и эмотивные характеристики, типы поведения, восприятие жизни, характерные для носителей данной лингвокультурной общности. Восприятие такого художественного текста носителем иной культуры имеет свои особенности и требует специального анализа, в частности дискурсивного, который предполагает в подобном случае исследование текста как процесса совмещения фрагментов своей и чужой культуры. Разность интерпретации художественного текста при межнациональном текстовом общении связана в первую очередь с несовпадением комплекса знаний носителей разных общностей (разность кругозора в области национальной и мировой культуры, сведения о прошлом своего народа и т.п.). Это касается разных сторон жизни нации, отраженных в тексте. Так, значимые в русской культуре и истории собственные имена не вызовут у инокультурного реципиента тех ассоциаций, на которые рассчитывал автор, и наоборот, среднему носителю русской культуры мало что скажут многие прецедентные в западной культуре имена. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении географических названий, которые для носителя автохтонной культуры, как правило, бывают включены в определенный социальный контекст, что делает географические названия значимыми для носителей исходной культуры. Так, из строк М. Цветаевой: *С шестерней, как с бабой сладившие – / Это мы – белоподкладочники? / С Моховой князя да с Бронной-то – / Мы-то – золотопогонники?* инокультурному читателю будет явно непонятно авторское возмущение, поскольку названия улиц здесь действительно несут важную социальную, реальную и, как следствие этого, эмоциональную информацию: на Моховой улице находился в Москве университет, а на близких к нему Бронных сели-

лись бедные студенты. Зная это, совершенно иначе воспринимается фразанегодование поэта: *Мы-то золотопогонники?* С другой стороны, многое, о чем упоминает Цветаева в своих стихах эмигрантского периода, ясно и понятно французам, но непонятно русскому человеку. Например: *И сейчас уже Шаратоны / Не вмещают российских тоск. / Мрем от них. Под шинелью драной – / Мрем, наган настаеляя в бред...*, где Шаратон – больница для душевнобольных вблизи Парижа.

Многие бытовые реалии, поведенческие национальные стереотипы, существующие в художественном тексте, создают семантические лакуны, требующие специальных комментариев. Отчасти именно этим объясняется тот факт, что, например, А.С. Пушкин известен в западной культуре значительно меньше, чем Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский или А.П. Чехов. Помимо того, что поэзия наиболее национально замкнута, помимо специфики перевода стихов и прозы (где первое значительно труднее второго), А. Пушкин именно как поэт глубоко национальный отразил в своем поэтическом творчестве столько оттенков русской жизни, сколько невозможно адекватно передать поэтическими средствами другого языка. Например, за одной только фразой из «Евгения Онегина»: *Зима!.. Крестьянин, торжествуя, / На дровнях обновляет путь...* кроется информация о климатических условиях в России вообще и в описываемом году в частности, о важности для крестьянина примет о первом снеге и того, когда он выпал, так как от этого зависит будущий урожай. Раз крестьянин торжествует, значит, в эту зиму все с погодой складывается благополучно и т.д.

Таким образом, художественный текст, созданный в определенном этнолингвокультурном социуме, можно рассматривать как инвариант, который в силу объективных причин имеет разнообразные инокультурные варианты восприятия и интерпретации. Анализ трансформаций инварианта, возникающих при переносе текста в некоторую другую культуру или при восприятии его носителем другой культуры, и является одной из задач дискурсивного анализа поэтического текста.

Во-вторых, лирическое стихотворение наиболее полно отражает, на наш взгляд, слияние собственно текста, с одной стороны, и авторских интенций, биографических элементов, мировоззренческих установок автора – с другой, т.е. в нем проявляется координация двух систем: текст – личность. Поэтическое произведение – это прежде всего выражение особенностей мироощущения и миропонимания автора, тем более, что в художественном дискурсе речь идет «не просто о носителе языка, – а прежде всего и важнее всего – носителе определенной концептуальной системы, на основе которой он понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка» [9]. Например, неординарный взгляд на русскую историю проявляется у М. Цветаевой через характеристику, данную ею Петру I и Николаю I, а именно: главную роль Петра I для России Цветаева видит не в том, что он построил российский флот, победил шведов, вышел к Балтийскому морю, основал Петербург – нет: *И большего было бы мало / (Бог дал, человек не обузь!) – / Когда б не привез Ганнибала – / Арапа на белую Русь.* Именно А. Пушкин – вот главное, по мнению Цветаевой, дело Петра I для России. И деятельность Николая I Цветаева «оценивает» также А. Пушкиным, называя царя «жалким жандармом пушкинской славы»: *Зорче взглядыся! / Не забывай: / Певцоубийца / Царь Николай / Первый.*

Два разных мировоззрения, два космоса раскрываются, например, во взглядах на революцию 1917 года у А. Блока: *Музыка революции*, и у М. Цветаевой: *Мракобесие. – Смерчь. – Содом*. Или отношение А. Ахматовой к сталинскому террору: *...и ненужным довеском болтался возле тюрем твоих Ленинград*. Стихотворение А. Блока, написанное им в 1903 году, пророчески предугадывает судьбу России на 100 лет вперед: – *Все ли спокойно в народе? / – Нет. Император убит. / Кто-то о новой свободе / На площадях говорит... – Кто ж он, народный смиритель? / – Темен, и зол, и свиреп. / Инок у входа в обитель / Видел его и ослеп. / Он к неизведанным безднам / Гонит людей, как стада...* Каждый настоящий поэт создает свою, индивидуально-авторскую картину мира, которая несет в себе черты языковой личности ее создателя, и это, безусловно, должно учитываться при анализе поэтического текста.

В-третьих, дискурсивное исследование поэтических текстов позволяет находить в них те смыслы, которые могут появляться в процессе существования текста в «большом времени», поскольку, по мысли М. Бахтина, каждое произведение искусства ведет диалог и с голосами из прошлого, и обогащается новыми смыслами в будущем своем существовании. Иными словами, дискурсивный анализ исследует и такое содержание текста, которое может быть понято «из глубины будущих веков», понято читателем, отделенным значительной временной дистанцией от автора и его эпохи. Так, Ю.М. Лотман считает, что «читатель, уже знакомый с «Анной Карениной», романами Тургенева и Гончарова, «Возмездием» Блока и «Позмой без героя» Ахматовой, видит в «Евгении Онегине» потенциально скрытые смыслы, недоступные современникам автора» [10]. Следовательно, можно говорить о существовании смыслов, эксплицитно проявляющихся в художественном произведении лишь с течением времени; данные смыслы выявляются в условиях коммуникативной и временной дистанции между автором и читателем, при этом читатель располагает знаниями (об отечественной и мировой культуре, истории, реальной жизни эпохи), которые были недоступны современникам автора.

С другой стороны, многое из поэтических текстов прошлых эпох современный читатель интерпретирует неточно, неадекватно, расплывчато, по сравнению с современниками автора, в силу незнания многих нюансов реалий прошлого. Например, замечание А.С. Пушкина о том, что Онегин «легко мазурку танцевал» для современного читателя и даже исследователя не несет в себе никакого дополнительного смысла или скрытого подтекста. Для современников А.С. Пушкина, людей одного с ним круга, это выражение могло нести более глубокую смысловую нагрузку. В 1820-е годы «французская» манера танцевать мазурку (легкость прыжков) стала сменяться «английской» (томная, ленивая мазурка). «То, что Онегин «легко мазурку танцевал», показывает, что его дендизм и модное разочарование были в первой главе наполовину поддельными. Ради них он не мог отказаться от удовольствия попрыгать в мазурке» [10, с. 87–88]. Хотя данное утверждение Ю.М. Лотмана нельзя, на наш взгляд, считать абсолютно бесспорным, на что указывает собственно пушкинский текст: *Он по-французски совершенно мог изъясняться и писал, / Легко мазурку танцевал и кланялся непринужденно...* В данном контексте выражение *легко мазурку танцевал* можно рассматривать не как владение каким-то определенным видом мазурки, а в ряду общего умения Онегина делать все, что необходимо светскому человеку: свободно говорить по-французски, хорошо танцевать, обладать аристократическими манерами.

На наш взгляд, забывание многочисленных деталей прошлого, его отдельных субкультур – процесс объективный и естественный, который еще раз доказывает невозможность абсолютно одинакового восприятия одного и того же текста читателями разных эпох. То, что было понятно и прозрачно для читателей поэзии XIX века, является лакунами для наших современников, и наоборот. Более того, как справедливо заметил Мераб Мамардашвили: «Поэзия содержит нечто не до конца знакомое и самим автором. Отсюда и появляется феномен многих вариантов одного и того же» [11].

Таким образом, дискурсивный анализ уделяет серьезное внимание не только связанному завершенному тексту и принципам его устройства, но и механизмам, устанавливающим связь между языковой сферой и внеязыковой действительностью. Такой подход дает возможность объективного исследования разнообразных интерпретаций текста читателями разных этносов и лингвокультурных социумов, современниками автора и его потомками, а также позволяет глубже понять духовный мир и языковую личность создателя поэтического текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Buysse, E.* Les langages et le discours. – Bruxelles, 1943.
2. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
3. *Якобсон, Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972.
4. *Пеше, М.* Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 225–253.
5. *Арош, К., Анри, П., Пеше, М.* Семантика и переворот, произведенный Соссюром: язык, речевая деятельность, дискурс // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 137–157.
6. *Серио, П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 21.
7. *Новиков, А.И.* Семантика текста и ее формализация. – М., 1983. – С. 84.
8. *Бердяев, Н.А.* Национальность и человечество // *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М., 2004. – С. 137.
9. *Павиленис, Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М., 1983. – С. 259–260.
10. *Лотман, Ю.М.* Семиотика сцены // Театр. – 1980. – № 1. – С. 11.
11. *Мамардашвили, М.* Как я понимаю философию. – М., 1990. – С. 59.

S U M M A R Y

The article is dedicated to the specificities of poetic text discourse analysis. Reviewing the development of discourse theory, the author provides the whole range of existing definitions of discourse and the predominant scientific concepts. Poetic text discourse analysis is claimed to presuppose the research of poetic text linguistics, as well as studies of wide cultural, ethnic, historic, and author's personal context in order to interpret poetic work objectively and adequately.

Поступила в редакцию 17.10.2006